

The background of the cover is a dark, textured illustration. In the upper half, a large dragon with green and yellow scales and a long red tongue is shown. In the lower left, a person in a dark suit stands holding a glowing torch, with a small dog on a leash beside them. The text is overlaid on a grey rectangular area in the center-right.

Наталья
Низамудинова

Пещера Тимура

Наталья Низамудинова

Пещера Тимура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21124787

ISBN 9785448312076

Аннотация

Описанные путешествия пронизаны романтикой, удивительными приключениями, искрометным юмором и, конечно, любовью. С именем Амира Тимура – основателя империи тимуридов на Востоке в Средние века – связано множество легенд, с одной из них героям этого романа пришлось соприкоснуться в 80-е годы прошлого века.

Содержание

Аня	5
Сашка	22
Сашка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пещера Тимура

Наталья Низамудинова

© Наталья Низамудинова, 2016

ISBN 978-5-4483-1207-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аня

– Ты саабражяишь, что гавришь?! Как балнис останца без мяс?!

– А что, гнилое им распределять?

– Какой гнилой?! Савсэм башка нет?! – Рустамов вытер платком потный лоб, Несмотря на работающий кондиционер, в отделе было душно. Его мощности явно не хватало на 80 кв. метров. Нужно было бы добавить хотя бы еще парочку таких чудо-агрегатов, но и этот, единственный,

Рашид с трудом «выбил» у администрации.

– Ну, я же не виновата, что холодильник сгорел! – Анна с отчаянием уставилась на начальника. – Как ему объяснить?

– Рашид Рустамович, в городском холодильнике сгорело реле. Уже неделю все мясо находится в неподобающем температурном режиме. Распределять НЕЧЕГО! Я всегда хожу на холодильник по пятницам, в прошлый раз все было нормально.

– Какой нормално?! Это – нормално? Ты в тюрьма будишь! – от отчаяния Рустамов орал на товароведа, понимая, что та действительно ни в чем не виновата.

– Завитра в Обком со мной пайдошь, сама будишь обияснат!

– Завтра же суббота! – Анна с тоской посмотрела в окно. Там, с 5-го этажа Горпотребсоюза, открывался чудесный

вид – широкая асфальтированная дорога, сужаясь в перспективе, уходила прямо к горизонту, на котором в голубом мажоре виднелись горы. Это Агалык. Сегодня после работы, Аня должна была быть там...

– А этот идиот, Рустамов, вопит, что завтра надо идти в Обком партии...

Последние 4 года Аня с друзьями каждое лето по пятницам уезжала в горы на выходные дни.

Компания из 3-х семей собиралась на загородной конечной автобусной остановке с рюкзаками, палатками и 3-хдневным запасом еды. Радостно-возбужденные, шутя и беспричинно веселясь, предвкушая длиннющие 2 дня полнейшего слияния с чистой, не тронутой цивилизацией, природой, они заполняли половину автобуса. Доехав до последнего кишлака, шумная гурьба высыпала на пыльную площадку и, одев рюкзаки, отправлялась вверх по тропе до «своего» места. Шли часа полтора. Преодолев 3 затяжных подъема, еле шевеля ногами к 9-ти вечера, они, наконец, добирались до небольшой зеленой лужайки вдоль горной речушки. Поспешно освободившись от тяжелых нош, женщины и дети бросались в теплую, словно ленивую, ласковую воду... Мужчины, покурив, ставили палатки.

Вдоволь накупавшись, подружки вытаскивали дрожащих ребят из Агалычки, переодевали их в сухую одежду и, затем, приводили в порядок себя. Потом, по неписанным, но четко соблюдаемым правилам, детвора шла собирать хворост и ки-

зяки (сухие коровьи лепешки) для костра, женщины накрывали «стол», а мужчины тем временем, громко рыча и фыркающая плескались в темном, но еще теплом озере, образованном плотиной из камней, перегородившей речку. Сашка стелила на траву дастархан, Лерочка вокруг него устраивала «сидалица» из старых курток, одеял, и поролоновых матрасов, Аня нарезала помидоры для салата... Смыв дневную жару, мужчины устраивали из речных камней две стеночки на пртив друг друга, между ними разводили огонь и сверху водружали прокопченный 3-х литровый чайник.

Наконец все усаживались за поздний ужин.

– Здравствуй, Агалычка!!! (секундная пауза) – Гип-гип – УРА!!! – зычным, командным голосом провозглашал традиционный первый тост Коля.

– Ура! -Ура! -Ура! – дружно, по-армейски коротко, рывкала в ответ компания, включая детей.

– Неужели все это будет без меня? И какого черта мне делать в Обкоме? Что от этого изменится? Испорченное мясо станет неиспорченным? Или холодильник сам по себе заработает? Что я – мастер-электрик? Я не хочу, не хочу париться в 40-ка градусной жаре эти два дня! – с отчаянием думала Аня.

Она взяла лист бумаги, ручку и написала:

«Председателю Горпотребсоюза Хафизову Г. Р.

От Литвиновой А. С.

Заявление

Прошу предоставить мне очередной трудовой отпуск с последующим увольнением по собственному желанию.

Литвинова А. С. 08 07 85г

Молча встала и положила заявление Рустамову на стол.

– Что-о-О-О-О!!! – заорал Рашид – Никаких заявлений!!
Никаких!!!

Он разорвал в клочья поданный листок и топнул по ним ногой.

Аня пожалала плечами, написала второй экземпляр и отнесла его секретарше:

– Зарегистрируй, Лен?

– Ты, что? Чекнулась? – прочитав, удивилась Лена.

– Да надоело все. Не хочу больше, что б на меня орали, не хочу быть козлом отпущения...

– Ну? И куда ты пойдешь?

– Не знаю, пока никуда.

– Анька, не дури, подумай, здесь хоть и зар. плата маленькая, зато все по СВОИМ ценам можно достать – и мясо, и сливочное масло, и шмотки! Да за одни Югославские сапоги, если брать в магазине, надо переплатить рублей 40! Это же половина твоей получки! А ты позавчера их взяла здесь за 65р.! Нет, Ань, ты «тронулась» чуток. Регистрировать не буду, пока Рашид не подпишет!

Аня взяла листок, повертела его в руках и бросила в урну: «Ленка права, нельзя мне уходить, в магазинах ничего нет, что бы что-то купить, надо унижаться перед продавца-

ми, просить, дико переплачивать, а потом еще, приятно улыбаясь, униженно благодарить за то, что соизволили тебе продать в тридорога.. Нет уж, видно судьба у меня такая...»

Аня посмотрела на часы, стрелки показывали 16—40. В пятницу рабочий день заканчивался на 12 минут раньше, чем обычно. Через 8 минут можно идти домой...

Почему укоротили пятницу именно на 12 минут, а не на 10, или – 15 – никто не знал. Кто-то в далекой «умной» Москве кропотливо высчитывал рабочие часы и минуты за неделю, за месяц, за год – и вот такая арифметика у них получилась...

– Ну что ж, за 10 минут можно доехать на троллейбусе до базарчика, там купить свежие лепешки у «апайки» (апа – сестра, апайка – русский сленг) и по Заводской пешечком, минут за 7 дойти до дома... Пока, Лен.

– Угу, пока, до понедельника.

***

– Вот, мамочка пришла! – улыбнулся Коля. – А мы уже готовы!

В середине комнаты стояли рюкзаки – 2 больших и 2 маленьких.

– Вот лепешки, Коль, надо перекладывать вещи, я не поеду. Мне надо завтра быть в Обкоме – обреченно сказала Аня.

– Вот еще – новость! Поехали! Ничего они тебе не сделают! Поорут на Рашида, он, в свою очередь, поорет на тебя в понедельник, но подумай! В ПО-НЕ-ДЕЛЬ-НИК!! А эти 2 дня уже будут ТВО-И-МИ! Поехали! Я объясню тебе в горах, как надо отвечать на всякие нападки и открою тайну магических слов. А сейчас: «Цигель-цигель! Ай-лю-лю! (крылатое выражение из к.ф-ма «Бриллиантовая рука»)

– Что за ерунду ты несешь? Какая магия? – недоверчиво покосилась Аня. – Говорю же – долго объяснять! Ну, не дрейфь, Анюта! Да за твою зарплату, ты должна работать 2 дня в месяц, как говорил Райкин – 5-го и 20-го и то, с 9 до 10-ти утра! Ну, подумай, что ОНИ могут тебе сделать? – Побить? – Нет! Лишить премии? – нет!, потому что премий у вас не бывает! Понизить зарплату? – НЕТ! – ниже не бывает!!! Уволить? – Нет! – Где они еще найдут такую «Изауру»? Да если ты сама захочешь уйти – не отпустят!

– Да уж, в этом ты прав – Аня вспомнила реакцию Рашида на свое заявление. – А ну их всех! И – правда!! Что ОНИ мне могут сделать?!

Аня улыбнулась, вдруг осознав свою безнаказанность! – Поехали!!

– Ну?! УМНИЦА! Конечно! Пусть завтра парятся, доказывают – кто прав- кто – виноват, а ты будешь в Агалычке балдеть!!!!

Агалычка – горная речушка, протекающая по склонам Агалыкских гор. Вода в ней необыкновенная чистая, про-

зрачная и лечебная, содержащая большое количество буры, которая играет роль естественного антисептика. Интересно то, что любые ранки на коже – будь то – нарывы, ссадины, или порезы, заживают в ней буквально за считанные часы...

Сидя на большом валуне, Аня опустила в воду натертые пятки в воду... Сегодня днем она была еще на работе и почти уверена, что вот этот чудесный вечер пройдет без нее... – Спасибо Коле, если бы не он, она ни за что бы не решилась бы послушаться начальство. Как хорошо то, Господи!

Вода бьется о камни, журчит и словно напевает свою успокаивающую бесконечную мелодию...

Уже стемнело, Сашка накрыла «стол» и разложила по кругу лепешки:

– Анята! Ты чего там мечтаешь в одиночестве? Давай, сюда! Уже все готово! Рюмки ты несла? – перекикивая шум воды, позвала Сашка.

Аня встала по колено в воду и вышла на плоский берег, покрытый мягкой ровной травой. Речушка в этом месте была чуть пошире. Ниже, по течению – она сужалась, и там ребята устроили из речных камней небольшую плотину – «запруду», сквозь которую вода продолжала течь, но все же замедляла свою скорость. Так получилось небольшое озерцо. С обеих сторон ручья высились старые горы Агалыка. Скалы почти полностью заросли землей, образовав холмы, которые весной покрывались густой зеленью с огромными полянами красного мака. Но с прекращением дождей, трава момен-

тально высыхала и горы становились колючими, серо-желтыми. Только вдоль речки все лето буйствовала живая природа – трава, осока, аспарагус и плотные шапки кустов, дававшие спасительную тень чабанам и редким туристам

– Здравствуй, Агалычка! – торжественно, будто на трибуне принимая первомайский парад, традиционно прогремел Колин голос:

– Гип, гип – ур —р рааа! – Ура!.Ура! Ура! – отозвался слаженный хор. Все выпили – взрослые водку, дети – лимонад. Сочные, еще теплые котлеты, пожаренные Лерочкой буквально перед отъездом, издавали аппетитный аромат, который смешивался с запахом свежего салата, чеснока, укропа, тархуна, и райхона. Примятая трава благоухала чебрецом, душицей и мятой. Казалось Агалычка быстро-быстро, взхлеб, перебивая самое себя, рассказывает, как она прожила эту неделю, как ждала, как соскучилась и, как она, наконец, рада шумным, веселым друзьям.

Черное бархатное небо засияло огромными, южными звездами.

– Вон НАШ Олень появился! – тихо прошептала Сашка. Все повернулись к расщелине между двумя грядками гор, которые четкими черными силуэтами врезались в чуть светлевший на горизонте, ночной купол. Перед полночью, там появлялось, нарисованное звездами, гордо парящее животное. Изящно выгнутая шея несла улыбающуюся мордочку, увенчанную короной из ветвистых рогов. Передние ноги за-

стыли в прыжке и создавалось впечатление, что Олень перелетает пропасть от одной вершины к другой. Его полет будет длиться часа полтора. Потом за горой исчезнет сначала одно копытце, затем – полностью – передние ноги, грудь, втянутый живот и, наконец, скроется весь...

Причем, Олень вырисовывался только с этой площадки. Если компания по каким – то причинам останавливалась выше, или ниже «своего места», звезды не складывались в этот рисунок, а хаотично разбегались...

– Ну, что ты там говорил о «волшебных словах»? – лежа на спине, безразлично, лениво, спросила Аня.

– А-а... – отозвался Коля: – «Кусак касал»...

– ЧТО- что?

– Кусак – живот, касал – больной – перевел Коля.

– Ну? И?...

– Мой отец в 50-е годы работал агрономом в колхозе «Коммунизм» – Коля закурил и продолжил свой рассказ:

– С дисциплиной после войны, тогда было очень строго. За опоздание на 5 минут объявлялся строгий выговор с за-

несением в личное дело, за 15 минут – могли уволить по статье с клеймом «разгильдяйство». С такой трудовой книжкой уже не было надежды устроиться на другую работу. Слова начальника были непререкаемыми. На сезонные сельхозработы отправляли солдат строевой службы, школьников, студентов, рабочих – ну всех, как сейчас отправляют на хлопок. (В сентябре в Средней Азии созревает хлопок и всех горожан и поныне мобилизуют на 2 месяца на сбор урожая). Тогда, в 53-ем, отцу дали 2 группы студентов для сбора яблок. Ребята работали нормально, но все равно не успевали и отец попросил увеличить рабочий отряд по меньшей мере – вдвое. К нему направили еще 20 человек, но не студентов, а «люля»

– «Люля»? – переспросила Лерочка.

– Ага, «люля». Это – узбекские цыгане

– Узбекские цыгане? Что, бывают и – такие? А негритянские цыгане может тоже бывают? – засмеялась Аня.

– «Люля» и по сей день живут за Регистаном (Регистан – древний архитектурный ансамбль из 3-х мечетей) – невозможно продолжал Коля. – Они строят глинобитные лачуги без всяких планов, разрешений и регистраций, образуя свой городок – без правил, который прозвали «Шанхаем». Вот к ним-то и отправили участкового мента с заданием: – «мобилизовать на сельхозработы местное население». Мент пригрозил свободношатающимся Советским гражданам, что запросто арестует всех за тунеядство, если те ДОБРОВОЛЬ-

НО не помогут Родине в борьбе за спасение урожая.

Та-аак. Привезли, значит, цыган в колхоз «Коммунизм». Отец выделил им часть сада для сбора яблок. «Люля» подтвердили, что поставленная задача им ясна и принялись за работу: поставили ящики из тонких дощечек в длинные ряды, установили лестницы-стремянки..., короче – все путем. Часа в 2—3 отец делал обход рабочих точек. Подошел к участку «люляшек» – никого нет. Лестницы стоят так же, как их утром поставили, ящики пустые. Ни одного яблока не собрано.

– Да куда они подевались-то? Неужели сбежали? – подумал отец, растерянно озираясь.

Сентябрьское солнце грело по-летнему жарко, но в тени, на ветерочке – было просто приятно-тепло. Сонную дремоту сада иногда нарушало мычание коров, доносившееся издалека, лай собак, или пение «бедонажки», (Среднеазиатский скворец) перебиваемое чириканьем воробьев... Вот добавился еще какой-то звук... Толи – рык? Толи – свист... Отец прислушался.

– Показалось, что ли? – Нет, вот – опять:

– Пр-р-р-р... сью-ууу...

Пройдя метров 15, он вдруг увидел цыган! Все они спокойно спали в арыке, заросшим густой травой. Дружный храп просто безобразно звучал в середине рабочего дня.

– ВСТА-А-АТЬ! – заорал отец

Некоторые «люля» лениво приоткрыли глаза, некоторые –

продолжали спать. Наконец, отец растолкал и поднял лентяев.

– Как это понимать? Почему не работаете? – Вне себя от ярости бесновался отец.

Невинно улыбаясь, «люля» в один голос коротко ответили: – «Кусак касал»

– Какой живо-о-от? Что? У всех сразу? И эта «животная» болезнь не помешала вам храпеть?!! – отец продолжал возмущенно кричать, призывая к совести, невинно моргавших наглецов. Но все его слова были, как о стенку-горох. «Люля» молча слушали, не перебивали и не оправдывались. Но на любой намек, требование, или приказ – идти работать, односложно твердили: – «кусак касал».

Промучившись с ними 2 дня, отец сам выгнал их домой, чему они были, конечно, рады.

Закончив свой рассказ, Коля ласково приобнял жену:

– Так вот! Я и говорю! На все вопли твоего Рустамова в понедельник, опускай скромно глазки и тверди свое: – «Голова болела», повторяя про себя, как заклинание – «кусак-касал». Пусть он бесится, психует, выкручивается, оправдывается. А ты – СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК! И чем скорее ты это поймешь и ощутишь себя таковой, тем труднее ИМ будет тебя «согнуть»! Поняла?

– Я на эту тему анекдот вспомнила! – воскликнула Сашка: – Морда спрашивает у задницы: – «Скажи, дорогуша, как тебе удалось так сохраниться? Ведь мы с тобой одного воз-

раста, принадлежим одному и тому же человеку, но я вся в морщинах, а ты – такая пухленькая, гладенькая, молоденькая? Жопа подумала немного и ответила: – «Да срать надо на все больше».

Дружный взрыв хохота разбудил сонных детей. Родители засуетились, уложили ребят в палатки и, затушив костер, отправились спать.

Зеленовато-серое утро неслышно подкралось в палаточный лагерь. В 6 утра приятная прохлада, как заботливая мать, нежно оберегает сладкий сон своих детей. Но вот кому-то уже не спится. Тихонько, на четвереньках, Костик выползает из палатки, выпрямляется во весь рост, потягивается, подходит к холодному очагу и начинает разводить костер. Потом, зачерпнув чайником воду из Агалычки, ставит его на огонь. Голубоватый дымок струйкой поднимается вверх. Днем, когда наступит жара, дым от костра будет стелиться по поляне и есть глаза, а пока он ровным столбиком устремляется в светло-голубое небо...

Из соседней палатки высовывается заспанное, чуть припухшее Лерочкино личико. Она выбирается тоже неслышно, чтоб никого не разбудить. У нее в руках полотенце, зубная щетка, паста и мыло. Устроившись на плоском валуне в середине речки, Лерочка, чуть повизгивая, умывается обжигающе-холодной водой.

Постепенно поляна все больше заполняется проснувшимися туристами, разговаривающими шепотом, чтоб не раз-

будить тех, кто еще нежится в последних минутах прохлады.

– Дядь Кость, скипел?! Я кофе хочу!!! – громко, «подневному» орет Пашка.

Все возмущенно шикают на него: – «Тише! Тише! Еще рано!»

– Че-оо! Ра-но! Все уже проснулись!

Растерянно оглянувшись, Сашка пересчитывает осторожно спящих по траве, обитателей лагеря. И вдруг хохоча с визгом бежит к речке:

– Да все!!! Все уже встали!!! А-а-а-а!! —

Брызги ледяным веером разлетаются вокруг Сашки, бомбой ворвавшейся в сонную гладь озера. Все... Понеслось... День начался.

– Ань! Достань там яйца! – укутавшись в полотенце, Сашка машет рукой в сторону дерева, на котором висит болоньевая котомка.

Лерочка мечется от палатки к палатке, вытаскивая из них одеяла и раскладывает их вокруг дастархана (длинная скатерть – по узбекски). Аня, стоя на коленях, намазывает хлебные ломтики маслом.

И вот, наконец, вся компания садится завтракать. Наступило первое субботнее утро. Тень от горы быстро сокращается и Его Величество Солнце неумоимо поднимается над ущельем, речкой и поляной, настойчиво загоняя людей в озерцо. Вода еще прохладная, но уже не такая обжигающая, как в 6 утра, к полудню она еще потеплеет, а к 3—4 ча-

сам станет вообще почти горячей...

– «Доброе утро, товарищи!» – приветливо-бодрый голос диктора из «спидолы» наполняет беззаботным счастьем маленький островок оазиса, среди бесконечных, пышущих зноем, Агалыкских гор. Низкий баритон задорно разносится из приемника: – «Выйду на улицу, гляну на село – девки гуляют и мне – весело!»

Пашка, стоя по колено в воде, хлопает ладонями по зеркалу озера, поднимая фонтан бриллиантовых брызг и самозабвенно вторит певцу тоненьким писклявым голоском: – «Девки гуляют – и мне весело!!»

Лерочка, тихонько улыбаясь, кивает головой подругам: —
– Гляньте-ка, «ему весело» от того, что «девки гуляют»...
Потом запела Пугачиха: – «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...»

Сашка лежит на полотенце с прикрытыми глазами. Сквозь мокрые ресницы видно пронзительно-синее небо, окруженное ярко-желтыми горами.

Было всего 11 часов утра... Впереди – целый день, теплый вечер, прохладная ночь с костром, а завтра – ЕЩЕ такой же день... И никуда не надо торопиться... И лето в Узбекистане длинное-длинное..., бесконечное...

***

В понедельник, как и предсказывал Коля, Рашид поорал

на всех товароведов – вообще, на каждого – в частности, конечно, досталось и Ане. Но ругань была больше профилактической, беззлобной, потому, что в субботу починили городской холодильник, мясо – списали, все виновники этого ЧП тоже получили по порции взбучки, на том скандал и закончился – из «Партии» никого не исключили, с работы – не выгнали, в тюрьму – не посадили. Буря улеглась.

Сашка

Сашка всегда бежала на работу с радостью. Бежала – потому, что опаздывала, с радостью – потому, что любила свою профессию архитектора, коллектив молодых проектировщиков, елочки перед фасадом «Гражданстроя», широкие лестницы, светлые, просторные кабинеты с аккуратными рядами чертежных столов и, самое главное, – творческий процесс появления нового проекта! – Получив задание на проектирование, прежде всего надо было определить функции строения, т.е. выяснить необходимые условия, при которых обитателям этого здания будет удобно там жить, работать, или отдыхать – в зависимости от того, что это будет за сооружение – жилой дом, предприятие, или, скажем, – санаторий. Потом – просчитать его мощность т.е. – определить количество воды, тепла, света, лестниц, лифтов, сан. узлов и т. д. Затем все это разместить – прикинуть план, набросать разрезы и, наконец, сформировать общий вид, объем здания. Следующий этап – разработка фасадов, который наверняка потребует переделку планов, а затем, естественно – и разрезов... Этот процесс длинный, кропотливый и необыкновенно захватывающий! Спорили до хрипоты, доказывая, что дверь необходимо передвинуть на 30см., а высоту окна увеличить – на 15см. Здесь каждая мелочь была важна для достижения гармонии в пропорциях. Иногда, вдруг, приходила

шикарная идея, а иногда творчество «топталось» на одном месте, раздражая неясными образами...

Сашка проработала в «Гражданстрое» уже 7 лет и считалась хорошим архитектором. Ее муж – Костик, был инженером АСУ (автоматическая система управления) на швейной фабрике им. Клары Цеткин. Сашка подсознательно ревновала его – ведь фабрика была набита сплошным бабьем! Но он каждый вечер поджидал ее после работы (Сашка специально мешкала с выходом, подкрашивая губы, протирая обувь, или наводя порядок на рабочем столе). Фабрика находилась совсем рядом, в 5-ти минутах ходьбы от проектного института. Они возвращались всегда вместе, иногда заходили в кафешку и пили пиво с «косточками» (соленые абрикосовые косточки, жареные в золе). Это неторопливое возвращение домой наполняло их теплым, романтическим счастьем. Правда, иногда и, слава Богу, все реже, у Сашки больно покалывало старое воспоминание о Венгрии, Гордищевой и того пьяного дня рождения... Но Сашка мужественно гнала его от себя и держа Костика под руку, крепче прижималась к его плечу.

Впервые она увидела его на Новый Год. Справляли у нее. Народу было! Человек 40! Они с Анькой тогда задумали устроить настоящее торжество, по-взрослому, всем классом! Но тут вдруг обнаружился неприятный факт – в классе-то было всего 4 мальчика и 19 девочек! Для праздника такого масштаба необходимо, чтоб мальчиков было примерно

в 5 раз больше!

– Что же делать? – Анька беспомощно хлопала густыми, пушистыми ресницами.

– Искать фраеров! – коротко отчеканила Сашка (надо отметить, что «фраер» в 60-тые годы на тогдашнем жаргоне означало – «жених», а производное от него – «фраериться» – подразумевало «прихорашиваться», модно одеваться, или – выглядеть шикарно)

– Но где?

– Надо подумать...

– Да что тут придумаешь? На улице к незнакомым, что ли подваливать?: – «Не хотите ли с нами Новый Год справить?»

– Надо сначала у наших пацанов спросить, какие у них есть друзья, ведь должны же у них быть какие-то товарищи?

– Логично...

– У тех друзей – тоже должны быть какие-то знакомые, и так далее! Так можно будет набрать их даже больше, чем нас, девченок!

– Ну ты ужхватила! – недоверчиво пробормотала Аня.

– А что?! – Сашку уже «понесло». – Сейчас позвоним Жорке, пусть ищет. Вильке и Сашке завтра в школе дадим «комсомольское поручение», а «Егорушка» и так уже сам спрашивал – можно ли ему друга привести с собой? Да можно! И не – одного!! Все будет тип-топ!!

Аня вырвала листок из тетради и начала составлять список.

А через несколько дней «вылезла» новая неприятность – некоторых девочек родители не отпускали на всю ночь. Сашка с Аней взяли с собой «Егорушку» и отправились по адресам уговаривать «предков» («Егорушка» был положительный, басовитый, большой, немногословный – скорее от робости, чем от уверенности в себе. Своим спокойным, серьезным тоном, он действовал как-то убедительно на взрослых).

Двоих – Райку и Галку – «отмазали» без особого напряжения, а с Розкой – пришлось «попотеть»...

Розка Амборцумян – армянка. Ее родители категорично считали, что девушке неприлично ночевать вне дома!

– Но это же – Новый Год! Спать никто не будет! – ныла Розка

– Всо равно – нэ пайдець!

– Пайдець! – вдруг взорвалась Розка, непроизвольно повторяя акцент матери, хотя в школе всегда говорила на правильном русском...

– Нэ пайдець!! – в один голос заорали отец и мать.

– Пайдець!!! – взвизгнула Розка и топнула ногой.

Тут Сашка дипломатичненько, почти заискивающе проворковала:

– Ну, Тигран Петросович, ведь мои родители будут с нами всю ночь. Хотите? – Тоже приходите, им будет веселее с Вами! Нам нечего скрывать от взрослых, потому, что ничего плохого просто не может быть!

– Наконец повисла нерешительная пауза. Не давая Розки-

ным родичам снова перейти в «отказуху», Сашка продолжала:

– У нас телефон есть, Роза может звонить Вам хоть каждый час!

– Нет... Пойти-то мы, конечно не сможем, к нам родные придут...

– Ну, Айшет Сергеевна, ну – пожалуйста? – продолжала сюсюкать Сашка, приятно улыбаясь.

– Тигран Петросович, родители всего класса доверяют своим детям. Неужели Вы не доверяете своей дочери? – как-то обиженно «выступил» «Егорушка».

Розкины «предки» пристыжено молчали, хлопая огромными черными глазищами...

– А Роза платье сама себе сшила! Покажи, Роз? – не давая родичам опомниться, Сашка вновь поспешила заполнить паузу.

Розка метнулась в соседнюю комнату и через минуту вышла в розовом платье с ужасной огромной искусственной розой на поясе! Сашка онемела от такого кошмара! – Роза – в ядовито-розовом платье – с розой на животе!! Сдерживаемый смех полез наружу через вытаращенные глаза в виде слез... Анька, извинившись, выскочила в коридор, а «Егорушка» смущенно кашлянул...

Родители посчитали, что цветок очень не скромен и потребовали его убрать!

Розка – ни в какую!!! Сашка тихонько ущипнула ее и шеп-

нула:

– Соглашайся на все! А то – не пустят!

Розка вдруг сообразила, что ей уже РАЗРЕШИЛИ идти на этот долгожданный, почти недосягаемый праздник и с поспешной покорностью оторвала безвкусное украшение...

Потом, позже, Анька сшила из белой кисеи платье-накидку, которая хорошенько приглушила яркий цвет, и придало наряду трогательную, почти ангельскую нежность, а Сашка соорудила из старой белой кожаной сумки – «сжатый», или «мятый», короче – наимоднейший широкий пояс! И Розка благодарно похорошела...

После того, как «девичий вопрос» был решен, Анька приперла «Айдес» – тяжеленный катушечный магнитофон, килограммов 15, наверное.

– На фига? У меня же есть такой! Ты что, забыла? – удивилась Сшка.

– Не-е-т, не забыла. Мы сейчас с тобой перепишем все записи. На одну кассету – «балдежные», медленные, а на другую – быстрые, чтоб танцевать до упаду! И в разных комнатах поставим! Кто хочет балдеть – пожалуйста туда, а кто – веселиться – сюда, под елочку! Во, классно будет!!

Переписали. «Мишель», «Ес ту дей» и тому подобные – на «медленную» катушку, «Береговые парни» – на «быструю». Подписали бабины, сложили по отдельности. Покончив с подборкой музыки, девочки купили 10 листов ватмана, акварельные краски и принялись рисовать Новогодние кар-

тинки. Вздурораженные творческим подъемом, они с азартным смехом, придумали Деда Мороза, танцующего в трусах до того самозабвенно, что от него летели огромные капли пота. (Естественно Дед М. танцевал «твист») Потом появилась «хиповая» Снегурочка в «мини» и модных красных сапогах на высоком каблуке. Ну и, конечно, ежики, зайчики, часы со стрелками на «12», украшенные еловыми ветками, серпантин и конфетти.

Ожидание праздника длилось почти 2 месяца. В каждой эпохе повторяется «Первый бал Наташи Ростовской»...

А пока шел декабрь 65-го. Теперь пришла очередь новогодним платьям. Чтоб заработать деньги на дешевенькую материю подруги подрядились побелить Анькиной соседке большую комнату с высоченными потолками. Уставшие, вымазанные известкой, они все же справились с этой «каторгой» за 1 день, заработав по 10 рублей!

А вот с фасонами – промучились почти неделю! Любая идея, приходившая на ум, тут же перечеркивалась, как «избитая», не оригинальная и не модная...

Наконец, после бесконечных исканий, девчонки «выродили» неповторимые, действительно – эксклюзивные модели! У Ани было светло-бежевое, чуть приталенное и расклешенное к низу платье с ярко-оранжевой треугольной вставкой на груди (острым концом вниз), обычный, чуть крупнее «школьного», воротничек – тоже песочного цвета, завязывался бантиком на тоненькие жгутики с коричневыми мехо-

выми шариками на концах! Ну – прелесть!

У Сашки платье было – «маленькое-черное», но «фишка» была в «висюльках»! Большая кокетка с круглом вырезом была расшита по линии отреза на груди, черными маленькими виноградными кистями, которые свободно покачивались при движении. И поле самой кокетки – тоже было расшито необыкновенным стеклярусом. Тогда это было «ноухау» потому, что ни стекляруса, ни, тем более – страза и прочих блестяшек НЕ БЫЛО! Как-то старенькая Анина тетка – «из бывших», прислала из Ленинграда посылку со своими старинными платьями, чтоб современная молодежь хотя бы посмотрела какие произведения искусства носили барышни «раньше». Девчонки обомлели от такого великолепия! Несколько дней подряд они наряжались в эти чудесные одежды и чувствовали себя «дамами из высшего света»! ... И вот теперь, спустя почти 2 года, Аня вспомнила про эти платья и безжалостно пожертвовала подруге споротый стеклярус.

Наконец наступило 31 декабря. Сашкина мама приготовила винегрет, салат оливье и сметанник типа «наполеона», но гораздо дешевле – коржи из теста, замешанного на сметане с одним яйцом, крем – тоже из сметаны с сахаром – вот и все! Но вку-усно-о! А папа – Евгений Борисович -собственноручно сделал плов. Конечно, на столе были соленья, картошка-фри, селедка и докторская колбаска! Ну, просто – шикарно!!

Гостей по списку насчитывалось 42 человека. Сашки-

ны родители вытащили свои железные кровати на террасу и в пустую комнату «завернули» длинный стол из главного зала, где в углу стояла сверкающая огнями, елка. Прямо на полу возле нее стоял один магнитофон с приглушенной веселой музыкой. Все стены были увешаны новогодними картинками – яркими и веселыми!

К 8-ми вечера одна за другой стали появляться девочки, сопровождаемые родителями, которые с улыбками вручали своих сокровищ Ольге Сергеевне и Евгению Борисовичу, выслушивая от них обещания «звонить, если что».

Мальчики, серьезные, в белых рубашках и галстуках приходили без провожатых, но по 2—3 человека, скрывая робость, тихонько бубнили что-то про велосипеды, перегоревшие предохранители и последние пластинки Горовца.

Наконец, Евгений Борисович дал команду:

– Ну, что, молодые люди? Пора за стол! Кто опоздал, присоединится к нам позже – места всем хватит!

Под тихую музыку, немного скрашивающую общее смущение, ребята уселись произвольно «кучками» – мальчики в одну сторону, девочки – в другую.

– Э-э-э! Так не пойдет! – Евгений Борисович опять взял на себя руководство. – А ну-ка пересели «впереमेжку»! Ну, ну? Давайте, мужики, разбавляйте девичье царство!

Стесняясь и краснея, ребята, наконец, уселись через одного – мальчик – девочка.

– Ну вот, теперь порядок! Давайте проводим старый год

и поблагодарим его за все, что он нам принес – мирную жизнь, здоровье, успехи в учебе и за то, что он собрал вас всех за этим столом!

Выпили. Девочки – сухого вина, мальчики – портвейна. Через 5—7 минут говорливый гомон чуть усилился. Налили по второй – «За школу, за счастливую юность, за чистое небо. (Имелось в виду – чистое от бомб небо)». Шутки посыпались непринужденнее, насыщая комнату праздничным настроением. И вот уже тесновато стало эмоциям, захотелось немножко выплеснуть их в танце...

И тут вошел ОН!

– Извините за опоздание – высокий, взрослый 19-летний красавец! Длинные волосы, как у «битлов», наимоднейшая белая водолазка, и – ДЖИНСЫ!! Все мальчики ревниво неприветливо поежились. Девочки – ахнули! – (Костик! Костик пришел! – прошелестело легким ветерком вдоль стола).

– С наступающим, всех! – сверкая белозубой улыбкой, он царственным жестом развернул принесенный белый рулон бумаги. Хорошенький кругленький Дед-Морозик, явно скопированный с ЗАГРАНИЧНОЙ открытки, затмил все развешанные рисунки своей оригинальностью. Костик, наконец, обвел взглядом комнату – куда бы повесить свой подарок? – и, не обнаружив свободного места, вдруг смутился....

Тогда Сашка легко вспорхнула на сундук (игравший роль дивана) и швейными иголками приколола ватман к бархатной немецкой (трофейной) скатерти (заменявшей ковер).

ОН подал ей руку и Сашка упруго – влет спустилась на пол. Все захлопали – Сашке – за то, что она так здорово выкрутилась из безвыходного положения, и новому шикарному гостю – за его, правда, лишний, но такой красивый рисунок.

Он не отходил от нее всю ночь! Они танцевали, шутили, смеялись, пили вино и снова танцевали под елкой, визжа от восторга.

Потом, как-то незаметно, они оказались в темной, «медленной» комнате. «Битлы», поцелуи, любовь с первого взгляда, сказочный Новый Год – спрессовались в неожиданное бешеное счастье...

– Костик, а почему Вас... так.. все называют?

– Это моя фамилия.

– Фамилия?

– Ага. Я – Константин Степанович Костик. – Костик погусарски щелкнул каблуками и кивнул головой.

Сашка

На тонких щиколотках длинных ног, выросли крылья. Они легко несли Сашку каждое утро, придавая ее походке порхающую невесомость. Их никто не видел, как и сама Сашка – она их просто ощущала!

Вот угол «Гражданстроя», до его середины, где находился главный вход, оставалось метров 30, потом – 6 длинных ступеней и, наконец, прохладный вестибюль. Влетев в институт, крылья тут же «завяли», беспомощно обвисли и исчезли...

Теперь можно и не торопиться – ведь входная дверь позади, а на часах – 7—59. Но внутренний разбег не унимался и гнал Сашку на 5-й этаж по душным пролетам высоких лестниц, по длинному коридору и даже по рабочему кабинету! Вбежав в отдел, Сашка продолжала нестись между чертежными столами к своему, который находился в самом конце комнаты. Ну чего здесь-то бежать? Хватаясь за стул рукой, Сашка почувствовала, как ноги подворачиваются (еще бы! Без крыльев-то они отяжелели!) – и она с грохотом падает! (И какого черта неслась?)

Взрыв хохота тридцати глоток обидно шлепнул в уши. Смущенно хихикая, тридцатилетняя растрепанная дура выползает из под стола на четвереньках... А утром, дома, она так тщательно сделала прическу с начесом, одела ярко-красные коралловые бусы, такие же по цвету – овальные клипсы

и подобрала губнушку в тон, смешав несколько штук прямо на губах, как на палитре.

Черный, в белый горошек, сарафан на тоненьких бретельках, сшитый, кстати, самой Сашкой за одну ночь, прекрасно сочетался с тремя красными акцентами. Ноги, в модных босоножках, которые достала Анька, еще более удлинялись, благодаря высокой танкетке!

И вот теперь – жалкая, лохматая, в порванной босоножке – выкарабкалась, выбралась, поставила валявшийся стул и как можно тише уселась, потирая ушибленную коленку.

Все в отделе знали, что Сашка в школе рьяно занималась легкой атлетикой, ездила на соревнования в Ташкент, Киев, Ленинград и куда-то еще. Пошутив по этому поводу – мол, пора бы уже оставить в покое свое беговое хобби, коллеги понемногу умолкли, уткнувшись в свои чертежи.

Вот тогда Заремка громко произнесла:

– Тебе, Туманова, надо аэробикой заняться.

– Чем, чем?!

– А-Э-РО-БИ-КОЙ! Неужели не слышала?!

– Нн-е-ет...

– Ну, ты даешь! Весь Мир сейчас увлекается этим новым видом гимнастики, а ты – спортсменка, комсомолка (тут надо было добавить – «и просто красавица», но вредина не добавила, ограничившись только первыми двумя характеристиками) и не знаешь! Читать надо больше, дорогая моя!

Пристыженная, распираемая любопытством, Сашка уже

понимала, что не отстанет от противной стервочки, пока не выяснит – ЧТО ЭТО ТАКОЕ. На перекуре, она снова спросила:

– Зарем, а где ты узнала про аэробику?

– Да в журнале «Спорт», где же еще! Про Джейн Фонду слышала?

– Да, конечно, это американская артистка.

– Слава Богу, хоть ее-то знаешь! (Сашке осточертел этот высокомерный тон!) Так вот, она разработала новый комплекс упражнений под ритмическую современную музыку, где соединила элементы танца с физкультурными упражнениями. Сейчас все поголовно увлечены «ритмикой».

– А ты сама, почему не занимаешься?

– Я считаю, что мне не надо, у меня фигура и так в порядке!

Сашка вспыхнула – на что это она намекает? Но вслух только возразила:

– Но ведь спортом занимаются не только для коррекции талии, а еще в основном для здоровья...

– Вот я и говорю – это для тебя, Туманова. Ты все никак не утомонишься, носишься, как ненормальная. А так – выплеснешь свою неумную энергию на тренировке и, глядишь – до следующей, будешь поспокойней...

Но Сашка уже не слышала эту язву. Все помыслы были сосредоточены на одном: где найти такую спорт. секцию?

В обеденный перерыв Сашка отправилась в детскую спор-

тивную школу – там никто ничего по этому поводу не знал. (Что-то Заремка перебрала на счет «всего мира». Преподаватели – профессионалы- спортсмены и то еще не в курсе...)

После работы, неутомная Туманова поплелась в новый спортивный комплекс, недавно построенный по спец. проекту с множеством тренировочных залов, раздевалок, душевых и административных помещений. В вестибюле висело расписание занятий по видам спорта:

– Гимнастика для девочек 4—5 лет, 6—8 лет, 9—13 л., то же самое для мальчиков, тяжелая атлетика, борьба (несколько видов), акробатика, фехтование – на саблях, рапирах и шпагах, лечебная физкультура для позвоночника, общеоздоровительная – для пенсионеров... Но аэробики не было!

– Та-ак... И что теперь делать? Сашка медленно направилась к кабинету директора. Постучала, приоткрыла дверь. Там сидел здоровенный потный узбек.

– Этот-то уж точно ничего не знает – разочарованно подумала Сашка, но все же решила попробовать хоть что-то разузнать: – Здравствуйте, можно спросить?

– Здравствуйте, проходите пожалуйста, садитесь. Что Вас интересует? – неожиданно на чисто русском языке ответил громила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.